

АНАТОЛИЙ ЩЕРБИНА

Влияние интеграционных и модернизационных процессов на российскую империю (вторая половина XIX – начало XX столетия)

Одна из великих держав своего времени, Российская империя оставила потомкам значительный опыт (равно позитивный и негативный) решения великих же проблем. Среди наиболее острых – «внутренние отношения и споры в Империи, среди ее 70 племен, множества вер и неверия [Л. А. Тихомиров – 1, с. 390]», т. е. вопросы, связанные со спецификой Российской империи (как имперского типа государства), политикой имперской власти в отношении присоединенных к центру территорий, а также влиянием модернизации на развитие Империи. Не случайно мы имеем почти полное фазовое совмещение: заложенная Петром I, Российская империя все время своего существования – XVIII, XIX и самое начало XX столетий – переживала модернизационные процессы, а наибольшая острота национально-государственного вопроса пришлась на эпоху раннеиндустриальной модернизации, описываемую в настоящей статье.

Имперская экспансия сформировала к 80-м годам XIX столетия особое имперское пространство, главной отличительной особенностью которого была крайняя этническая, культурная, экономическая и политическая разнородность. Гетерогенность вообще выступает системным признаком империй. Современный отечественный исследователь С. И. Каспэ замечает, суммируя различные концепции империи: «“Критическими” (общими для большинства синдромных определений) признаками империи являются значительные территориальные размеры, достигнутые путем экспансии, этнокультурная и этнополитическая неоднородность, присутствие в механизмах легитимации и в политической практике универсалистских ориентаций, вплоть до претензий на вселенский смысл собственного бытия» [2, с. 3]. С этой точкой зрения солидарны В. В. Алексеев и Е. В. Алексеева: «... Отметим, – пишут они, – что в нашем понимании **империя** – это прежде всего этнически гетерогенная великая держава, стремящаяся к максимальному увеличению своей мощи и расширению идеологической, политической, экономической, культурной власти над другими территориями. С этой точки зрения, форма государственного

правления оказывается второстепенным фактом. Главным выступает сущностное содержание – метаисторическая реализация доминирующей власти над крупными регионами мира» [3, с. 5].

По мнению одного из ведущих западных специалистов А. Каппелера, Российская империя была многонациональным государством «с ее невероятным этническим разнообразием, охватывающим Европу и Азию, четыре мировые религии и целую шкалу различных образов жизни и экономических укладов». Поэтому «взгляд на историю России как на историю национального государства [русских – А. Ш.] ошибочен, и такой подход неизбежно приведет к заблуждению» [4, с. 8–9].

В силу такой специфики, одной из ведущих задач имперской власти выступала *интеграция гетерогенного в этнокультурном и социально-экономическом отношении пространства в единый социально-политический организм*, что, впрочем, не исключало, а, наоборот, предполагало «дифференциации уровней политического, экономического и культурного развития территорий (метрополий и колоний, центра и периферии)» и ограниченности ассимиляционных и аккультурационных процессов на пространстве Империи [3, с. 6].

Интеграционные процессы, выступающие как «внутренняя экспансия» Империи, были призваны снизить гетерогенность имперского пространства и включить присоединенные провинции в социальную, административную, правовую, военную и др. подсистемы Империи. Уменьшение гетерогенности являлось, в свою очередь, необходимым условием, обеспечивающим управление провинциями из имперского центра, эксплуатацию и мобилизацию периферийных ресурсов. Одновременно сами разнообразные в экономическом и культурном отношении провинции испытывали необходимость в центре как инструменте внешней (по отношению к ним) координации.

Этот момент осознавали далеко не все имперские чиновники. Так, в самый разгар Кавказской войны, в 1834 г. в работе Главнокомандующему бар. Г. В. Розену штаб-капитан кн. Шаховский отмечал причины того, что цивилизация горского быта идет медленно и пока не способна даже искоренить среди них «хищничество»: «вообще все начальство Кавказской линии, не думая о преобразовании народа, старается одним страхом удержать его в повиновении. Бывшие же возмущения в разных местах доказывают, что страх не производит на воинственных горцев большого влияния и строгость обхождения только ожесточает их. Вникнув подробно в положение народов, легко убедиться можно, что однообразное строгое правление, вместо пользы, приносит вред, ибо ненависть заступает место любви и преданность поддерживается стыком, а не благодарностью». Необходимо, доказывал штабс-капитан, мирными горцами руководить «мерами кроткими, при неусыпном наблюдении со стороны начальства», а «хищников» обуздывать страхом и справедливым судом, постепенно направляя к «мирной жизни». Чем зажиточнее горцы, тем более они управляемы, поскольку «народ зажиточный и обеспеченный в необходимых потребностях жизни (по сему и не имея нужды прибегать к разбоям), сроден более к смирной жизни». «Когда горцы убедятся, что собственность каждого обеспечена от хищничества, они распространят земледелие, увеличат стада, вкусят плоды мирной жизни, постигнут выгоды покровительства России и послужат примером для немирных народов...» [5, с. 485–487].

Именно «доброе правление» должно было примирить инородцев с имперской властью, дать им восчувствовать выгоды лояльного подданства. В свое время, возвещая Манифестом 12 сентября 1801 г. присоединение Восточной Грузии к России, государь Александр Павлович обещал жителям Картли и Кахети: «... Да познаете и вы цену доброго правления, да водворятся между вами мир, правосудие, уверенность как личная, так и имущественная, да пресекутся самоуправства и лютые истязания, да обратится каждый к лучшим пользам своим и общественным, свободно и невозбранно упражняясь в земледелии, промыслах, торговле, рукоделиях, под сенью законов, всех равно покровительствующих. Избытки и благоденствие ваше будут приятнейшею и единою для Нас наградою» [6, с. 433]. Мир и благоденствие тогда не пришли на весь Кавказ, хотя «божья благодать сошла на Грузию! — она цвела // С тех пор в тени своих садов, // Не опасаяся врагов, // За гранью дружеских штыков» [7, с. 244–245]. Лишь с окончанием Кавказской войны началась устраиваться регулярная администрация у горских народов и началась их интеграция в имперскую систему.

Но идея «цивилизации» инородцев как средство их интеграции в Империю не была забыта и получила второе рождение с приходом России к истокам Аму-Дарьи. 11 июля 1867 г. был опубликован закон об организации Туркестанского генерал-губернаторства с центром в г. Ташкенте. «Успех завоеваний 1863–1867 гг., — писал в отчете императору Александру II генерал-губернатор — ген. К. П. Кауфман, — поколебав всю политическую систему этой неподвижной и замкнутой в своей неподвижности страны, не был, однако, в состоянии овладеть разбитыми силами [*прежнего политического строя* — А. Ш.] не мог их приурочить к выполнению новой положительной политической и гражданской программы, принесенной в край интересами русского государства». Эта положительная программа состояла в обустройстве русского Туркестана. При этом правительство неоднократно повторяло, что «вера и обычаи останутся без изменений». При разработке административных реформ была установлена определенная очередность мер с учетом того, что «всякая крутая мера в этом отношении принесет более вреда, чем пользы, и вызовет фанатизм и упорство народа». Такой подход, по мнению Кауфмана, позволял «водворить по возможности стройный внешний порядок и спокойствие, предотвратить развитие вредных в населении начал, обеспечить за собой необходимые податные средства и среди возникших таким образом правильных и спокойных отношений к населению установить мир с соседями и приготовиться, наконец, опытом и знанием к ...органической деятельности в отношении этой новой части Российской империи» [Цит. по: 8, с. 42–43]. Результаты этой органической работы мало-помалу начали сказываться, и огромные финансовые вложения России в Туркестан (железнодорожное строительство, ирригация, расширение посевов хлопка) к началу XX столетия стали приносить отдачу. Так, хлопчатобумажная промышленность России в 1896–1898 гг. перерабатывала от 14 до 17 млн. пудов хлопка, из них 4–5 млн. пуд. собственного сбора, в том числе в Туркестане — более 3 млн. пуд. [9, с. 285].

Сами туркестанцы получили взамен прочный мир, освобождение от средневекового рабства и произвола местных правителей, гораздо более легкие и посильные налоги. Характерно, что Хива и Бухара, не вошедшие в состав Империи (а лишь под ее протекторат), продолжали ощущать все прелести вос-

точного деспотизма. Обнищание народа, злоупотребления ханских и эмирских чиновников и местных властей были обычным явлением. Такое положение, провоцировавшее в будущем социальные конфликты, вызывало беспокойство русского правительства, но изменить что-либо оно не решалось. Хорошим объяснением нерешительности Империи является составленная в конце XIX в. политическим агентом в Бухаре П. М. Лессаром «Записка о политическом и экономическом положении Бухарского ханства». Лессар указывал на опасные последствия деспотизма эмира: «Бухара как рынок теряет значение в случае обеднения населения... Необходимо помнить, что если эмиру легко в несколько лет разорить свой народ, то России впоследствии придется принести серьезные жертвы, чтобы восстановить его благосостояние до такой степени, чтобы платежные силы сделали возможным безубыточное управление страной». Вместе с тем Лессар отмечал, что существующая система управления проста и дешева для Империи, а создание новой потребовало бы значительных денежных средств. Поэтому экономические выгоды перевесили политические убытки. Резюмируя все это, Лессар считал, что присоединение Бухарского ханства не укрепило бы положение России в Средней Азии, но оказало бы «прямо противоположное действие». Это положение он подкреплял веским доводом: «Для нашего положения в Туркестане весьма выгодно существование независимых ханств, как Бухара и Хива; чтобы ни делалось для улучшения их управления, всегда население будет в худшем положении, нежели в Туркестане; всегда они [*туземцы Хивы и Бухары* – А. Ш.] будут желать подчинения России и туземцы наших владений будут ценить преимущества русского подданства. С прекращением независимости ханств исчезнут единицы сравнения, и это неблагоприятно отразится на успешности примирения туземных рас с нашим господством» [Цит. по: 10, с. 414–415].

Такая политика имперского правительства выливалась в определенные преференции инородцам, в том числе – льготную податную систему, освобождение от воинской повинности, сохранение элементов местной самобытности и т. д. В некоторых провинциях льготы, возведенные в абсолют, фактически воссоздавали автономный характер администрации, как это было в Великом княжестве Финляндском с момента присоединения его к Империи или в Царстве Польском до его первого «мятежа», в 1815–1830 гг. Жители этих окраин имели такой статус, каким не обладали русские в России. «Финляндцы, поляки и другие окраинцы становились Александром I в привилегированное положение. Ясно, что у них не могло родиться ни малейшего желания быть в каком бы то ни было отношении русскими; делаясь русскими, они лишь теряли выгоды своего исключительного положения, свои преимущества и привилегии», – писал в начале XX в. историк М. Бородкин [11, с. XX].

Особенными привилегиями обладала местная знать, что было не удивительно, ибо именно элита окраин выступала проводником интеграционных процессов. «Сохранение, наряду с собственно имперскими институтами господства, традиционных элит позволяет сконцентрировать процессы унификации в ключевых с политической и военно-стратегической точки зрения зонах, снизить в этих зонах уровень культурной и ментальной гетерогенности до некоего приемлемого для империи уровня (речь идет в первую очередь о культуре политической) и сохранить в неприкосновенности традиционные

стереотипы социального действия в тех сегментах, вторжение в которые не обязательно с точки зрения поддержания имперской стабильности, но чревато жестко негативной реакцией» [12, с. 44–45]. Местная знать большинства провинций, зачастую без особого разбора, получила права российского дворянства. От нее (знати) в общем плане требовалось лишь соблюдение династической и государственной лояльности. Вот образец присяги, приносимой местными владетелями (1805 г., Ибрагим-хан, владетель Шушинский и Карабахский): «Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь пред всемогущим Богом великим пророком нашим Магомедом сильным и преемником его, пророком же, сильным Алием с одиннадцатью его потомками и святым его Кораном в том, что хочу и должен е. и. в., своему истинному и природному всемилостивейшему великому государю императору Александру Павловичу, самодержцу всероссийскому, и е. и. в. всероссийского престола наследнику, который назначен будет, верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего, до последней капли крови, и все к высокому е. и. в. самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и при том по крайней мере стараться споспешествовать все, что е. и. в. верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может. О ущербе же е. в. интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведая, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать тщатися, и всякую мне вверенную тайность крайне хранить буду и поверенным мне ханством управлять е. и. в. именем, безмолвно повиноваться высочайшим повелениям и главноуправляющего Грузией и по ним надлежащим образом по совести своей исправлять и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать, и таким образом себя вести и поступать, как верному е. и. в. подданному благопристойно есть и надлежит. И как я пред Богом и судом его страшным в том всегда ответ дать могу, как суще мне господь Бог душевно и телесно да поможет. В заключение же сей моей клятвы целую книгу святой Коран и во оном страшные слова Валлаи, Биллаи, Таллаи. Аминь» [13, с. 278–279]. Как видим, даже вероисповедная принадлежность не была для Империи решающим фактором (конечно, если речь не шла о евреях-иудеях).

В результате среди целого ряда этносов удельный вес потомственного дворянства был заметно выше, чем у русских (табл. 1).

Ситуация же с личным дворянством объясняется тем, что административные посты в Империи замещались прежде всего русскими (и православными!) как наиболее лояльными империи управленцами, а также представителями тех этносов, в преданности которых имперская власть долгое время не сомневалась (немцы, грузины). По подсчетам Б. Н. Миронова, в 1850-е гг. доля нерусских чиновников равнялась 16%. В составе Государственного Совета в начале века лиц неправославного исповедания было чуть больше 12%. В среде высшей бюрократии максимальная доля нерусских и инославных составляла в 1853 г. 32,7%, снизившись к 1917 г. до уровня в 11,8%. 23% всех офицеров в 1867–1868 гг. были инославными (и эта доля понизилась к 1912 г. до 11%). Только удельный вес нерусских генералов вырос — за то же время с 15 до 20% [14, с. 32–33].

Таблица 1. Удельный вес дворян среди этнических групп Российской империи на 1897 г., в % к общей численности группы [составлено по: 4, с. 296]

<i>Этнос</i>	<i>Личное дворянство</i>	<i>Потомственное дворянство</i>
Русские	0,87	0,84
Украинцы	0,30	0,16
Белорусы	1,50	0,16
Поляки	4,41	0,78
Литовцы	2,41	0,08
Латыши	0,03	0,08
Эстонцы	0,03	0,05
Немцы	1,39	0,96
Евреи	0,00	0,07
Грузины	5,29	1,04
Армяне	0,83	0,55
Кавказские горцы	0,58	0,20
Татары и азербайджанцы	1,60	0,09
Все население Империи	0,97	0,50

Экономическая политика Империи также вела к перераспределению ресурсов и развитию национальных окраин, которые постепенно (в том числе и благодаря начавшейся индустриализации) подтягивались до уровня имперского центра. Выборочная картина, характеризующая только два сектора экономики – сельское хозяйство и промышленность – выглядит следующим образом (см. табл. 2).

Подобная социально-экономическая интеграция провинций с территориями имперского центра грозила в будущем деструкцией. Это явление Г. С. Кнабе сформулировано так: «Империя изживает себя, когда провинции догоняют центр». Экономический аспект проблемы выступает как «противоречие между основной целью империи, состоящей в эксплуатации провинций в интересах господствующего народа, следовательно, в недопущении их самостоятельного развития сверх определенных границ, и реализацией этой цели, которая предполагает прогрессивное развитие производительных сил провинций, иначе неспособных быть экономическим и военным резервом империи» [15, с. 76]. Рано или поздно это развитие провинциальной экономики (и неизбежное при этом формирование новых групп интеллектуальной, культурной, профессиональной и экономической провинциальной элиты) приводило к гомогенизации экономического пространства империи, к исчезновению в нем структурных различий; и, как отмечает О. В. Ситникова, «в результате выравнивания провинций и центра неэквивалентный обмен становится невозможным, части превращаются в соперников, империя распадается» [16, с. 77].

Правда, необходимо отметить, что современникам «совместный труд» народов Империи казался, наоборот, залогом будущего внутреннего мира. Консервативный идеолог Л. А. Тихомиров писал: «... Помимо непосред-

Таблица 2. Удельный вес занятых в аграрном и промышленном секторах среди этнических групп Российской империи на 1897 г., в % к общей численности группы [составлено по: 4, с. 297]

<i>Этнос</i>	<i>Аграрный сектор</i>	<i>Промышленность</i>
Русские	71,6	11,0
Украинцы	87,2	4,8
Белорусы	90,9	4,8
Поляки	63,0	13,0
Литовцы	85,8	4,1
Латыши	69,4	13,3
Эстонцы	68,3	13,5
Немцы	57,7	20,9
Грузины	82,5	4,0
Евреи	2,7	35,4
Армяне	71,4	9,6
Кавказские горцы	89,3	3,2
Татары и азербайджанцы	81,7	4,2
Все население Империи	74,6	9,5

ственной цели – умножения материальных производительных сил страны, организация материального труда имеет величайшее объединительное значение. Если высшие области истины [*религия и наука* – А. Ш.] объединяют умы и совести, создавая в многообразных народностях единую душу, то разумная экономическая организация нации вырабатывает в ней единое тело.

Связанные в своих материальных интересах, дополняя трудом одних провинций труд других, стараясь в общем труде, различные народности государства, во-первых, приучаются видеть друг в друге не врагов, а сотрудников, отчего между ними развиваются дружелюбные чувства. Во-вторых, всякая попытка разрыва причиняет им столько разорения, лишений и страданий – не отдаленных, а мгновенно чувствуемых даже наименее развитыми людьми, что против таких попыток развивается самостоятельный протест всех племен» [1, с. 651].

Имперская администрация сознательно создавала экономические преференции для многих окраин. Упомянувшийся выше исследователь социальной истории Б. Н. Миронов пишет: «Составной частью национальной политики являлось то, что правительство с помощью налоговой системы намеренно поддерживало такое положение в империи, чтобы материальный уровень жизни нерусских, проживавших в национальных окраинах, был по возможности выше, чтобы нерусские народы всегда платили меньшие налоги и пользовались льготами...» [17, с. 13].

Важными показателями экономического развития являлась продолжительность уровня жизни и степень урбанизации отдельных этносов. По первому показателю великоросское население далеко уступало другим народам Империи (табл. 3).

Таблица 3. Средняя продолжительность жизни и степень урбанизации некоторых этносов Российской империи на 1897 г. [составлено по: 17, с. 15; 4, с. 294]

<i>Этнос</i>	<i>Средняя продолжительность жизни, лет</i>	<i>Степень урбанизации, в %</i>
Русские	28,7	15,85
Украинцы	38,1	5,61
Белорусы	36,2	2,91
Поляки	41,0	18,35
Литовцы	41,8	3,16
Латыши	45,0	16,05
Эстонцы	43,1	13,95
Немцы	45,0	23,38
Евреи	39,0	49,42
Татары (и азербайджанцы)	34,9	11,29
Все население Империи	34,2	13,00

Самый «урбанизированный» народ – евреи – были в свое время имперской властью насильственно согнаны в города и местечки в «черте оседлости». Пальма же первенства принадлежала не указанным в табл. 3 таджикам (29%), а также немцам и армянам (23,25%). Степень урбанизации для *провинций* выглядела следующим образом (табл. 4).

Как видим, из высокоразвитых в экономическом отношении провинций только население Финляндии традиционно проживало в небольших городах и поселках, и степень ее урбанизации была невысока. Из губ. Европейской части России следует отдельно выделить Польшу, где удельный вес горожан в ряде губерний, например, Варшавской (41%), почти совпадал с Московской губ. (45%).

Таблица 4. Численность населения по главнейшим частям Российской империи Российской империи на 1897 г. , а также численность жителей в городах и % их к общей численности населения [составлено по: 9, с. 76]

<i>Главнейшие части Империи</i>	<i>Всего</i>	<i>В городах</i>	<i>% городского населения</i>
Европейская Россия	94215415	12027038	12,8
Царство Польское	9455943	2055892	21,7
Великое княжество Финляндское	2555462	281216	11,0
Кавказский край	9248695	1010615	10,9
Сибирь	5727090	473796	8,3
Средняя Азия	7721684	936655	12,1
Все население Империи	128924289	16785212	13,0

Выше среднего имперского показателя удельный вес горожан был в Прибалтике – Лифляндии (29%), Курляндии (22%) и Эстляндии (18%), части Кавказа – Тифлисской (21%) и Бакинской (20%) губ., Бессарабии (15,1%) [9, с. 82].

Для поддержания имперской системы важным фактором являлось образование, призванное воспитывать и провинциальную элиту, и массы населения окраин в духе династической и государственной лояльности. Образование также – важный элемент процессов модернизации, ибо модернизированное общество – это общество образованных людей и высокой культуры, ставшей обязательным стандартом. По данному показателю державное население уступало многим инородцам (табл. 5).

Как видно из данной таблицы, наиболее образованным было население Прибалтики (где эстонцы имели почти поголовно начальное образование) и Западного края – Польши и Литвы. Население пока ограничивалось обучением своих детей в начальной школе; среднее и высшее образование было привлекательно лишь для этносов, традиционно тяготевших к высокой культуре (русские, поляки), имевших шансы сделать карьеру на государственной (военной и гражданской) службе или в коммерции (немцы, грузины, армяне), а также получить право экстерриториальности и выехать за пределы «черты оседлости» (евреи).

Однако следует помнить, что начальной школой в Российской империи почти везде выступала православная церковноприходская школа с обучением на русском языке. Именно в этой школе получали образование дети всех национальностей и вероисповеданий. Обер-прокурор Синода, консерватив-

Таблица 5. Образовательный уровень некоторых этносов Российской империи на 1897 г. (лица старше 10 лет, в %) [составлено по: 4, с. 299]

<i>Этнос</i>	<i>Умеющие читать</i>	<i>С образованием выше начальной школы</i>
Русские	29,3	2,28
Украинцы	18,9	0,36
Белорусы	20,3	0,49
Поляки	41,8	2,77
Литовцы	48,4	0,27
Латыши	85,0	0,63
Эстонцы	94,1	0,59
Немцы	78,5	6,37
Евреи	50,1	1,20
Грузины	19,5	1,45
Армяне	18,3	2,27
Кавказские горцы	7,1	0,13
Татары и азербайджанцы	16,5	0,04
Все население Империи	27,7	1,51

ный государственный деятель К. П. Победоносцев писал: «Для блага народного необходимо, чтобы повсюду, поблизости от него и именно около приходской церкви, была первоначальная школа грамотности, в неразрывной связи с учением Закона Божия и церковного пения, облагораживающего всякую простую душу. Православный русский человек мечтает о том, когда вся Россия по приходам покроется сетью таких школ...» [18, с. 370].

По мысли Победоносцева, такая школа еще и должна была предоставить «гарантии для правильного и благонадежного в церковном и народном духе образования», т. е. воспитания лояльных Православию и Императору подданных. Усилиями Победоносцева число православных школ в России резко увеличилось:

1884 г. — 4,1 тыс. с 98 тыс. учащихся;

1900 г. — 42,6 тыс. с 1,6 млн. детей.

Но мероприятия Победоносцева охватили одну лишь церковноприходскую школу. В учебных заведениях Министерства народного просвещения вероисповедный состав учащихся не был подвержен каким-либо серьезным колебаниям, и резкого сокращения числа инославного учащихся здесь практически не происходило (за исключением евреев) (табл. 6).

К созданию же инородческих (и — тем более — инославных) школ власть относилась с большим предубеждением. В 1883 г. Победоносцев выступил против идеи бывшего наместника на Кавказе Вел. кн. Михаила Николаевича относительно открытия в Тифлисе на казенный счет училища для женщин-мусульманок. Обер-прокурор Синода писал императору Александру III: «Самая задача его, по мнению моему, поставлена неверно, и правительство поставило бы себя по этому учреждению в ложное положение, обязываясь на казенный счет воспитывать мусульманок в духе мусульманской религии и наблюдать за исполнением ими мусульманских обрядов. Уверяли, что некоторые из знатных мусульман в Тифлисе желают дать своим дочерям европейское образование; и если б они сами составили план и захотели устроить заведение на свой счет, с надзором только от правительства, — можно было

Таблица 6. Численность учащихся различных исповеданий в средних учебных заведениях Российской империи в 1880—1895 гг. (в %) [составлено по: 9, с. 399]

<i>Вероисповеданий</i>	<i>в мужских гимназиях и прогимназиях</i>		<i>в реальных училищах и прогимназиях</i>	
	<i>1880 г.</i>	<i>1895 г.</i>	<i>1880 г.</i>	<i>1895 г.</i>
Православного	59,0	66,0	66,2	63,2
Римско-католического	19,0	18,0	19,3	11,2
Лютеранского и реформаторского	9,0	6,6	4,8	14,8
Еврейского	12,0	6,2	8,3	5,2
Магометанского	0,2	0,5	0,1	1,2
Прочего вероисповедания	0,8	2,7	1,3	4,4
Все население Империи	100	100	100	100

бы только радоваться. Но когда само правительство русское берет на себя это дело и роль, так сказать, блюстителя за воспитанием в строго мусульманском законе,— положение становится фальшивым. Русская начальница, по указаниям шейх-уль-ислама и муфтия, заседающих в попечительском совете, должна наблюдать, чтобы девиц учили догматам о многоженстве и о магометовом рае. Это положение невозможное» [18, с. 381].

Экономическое положение российских провинций и различные преференции определили уровень социального развития различных этносов России. Б. Н. Миронов рассчитал *индекс человеческого развития* народов Империи на 1897 г., основываясь на таких показателях, как средняя продолжительность жизни, грамотность и валовой продукт на душу населения. По этим показателям, положение русских соответствовало среднему уровню России, а целый ряд инородческих этносов довольно существенно превосходил державную нацию (табл. 7).

Таким образом, интеграционные и модернизационные процессы во второй половине XIX в. способствовали развитию и инородческих окраин, и проживавшего в них населения. Миронов отмечает, что «в конечном счете выиграли если не все, то огромное большинство народов, вошедших в состав империи, включая и тех, которые потом вышли из нее. Всем Россия обеспечила безопасность, всем, а нерусским даже в большей степени, помогала развиваться и уж во всяком случае этому не препятствовала. Под крышей России многие народы создали свою письменность, интеллигенцию, высокое искусство, государственность со значительно меньшими издержками, чем они могли это сделать вне России» [17, с. 16].

Эти тезисы, как нам представляется, требуют определенного уточнения. Действительно, местная элита получила права российской знати, а впоследствии экономическое положение нерусских народов зачастую, как сказано

Таблица 7. Индекс человеческого развития некоторых этнических групп Российской империи на 1897 г.
[составлено по: 17, с. 15]

<i>Этнос</i>	<i>Индекс человеческого развития</i>
Русские	0,247
Украинцы	0,250
Белорусы	0,175
Поляки	0,349
Литовцы	0,398
Латыши	0,538
Эстонцы	0,587
Немцы	0,520
Евреи	0,322
Татары	0,160
В среднем по Империи	0,248

выше, было предпочтительнее, чем у великороссов. Инородцы обучали грамоте своих детей, но — в основном — в *православной русской* школе. Национальная письменность могла становиться объектом преследований: так, после восстания 1863 г. в Польше и Литве генерал-губернатор М. Н. Муравьев ввел для литовских книг и учебников русский гражданский шрифт вместо латиницы, и этот запрет сохранялся до 1904 г. Под запретом находился и «малорусский», т. е. украинский язык [см.: 19].

Не следует забывать и о том, что ряд народов, такие, как поляки и литовцы, мечтали о возрождении собственного государства, и Западные провинции оставались источником сепаратизма в империи. Рост образованности и формирование национальной интеллигенции приводили к формированию *национальных движений*, которые, по определению Мирослава Хроха, вступили в фазу «национальной агитации», т. е. «пытались завоевать как можно больше сторонников из числа представителей своей этнической группы для реализации планов по созданию будущей нации» [20, с. 125]. Неприязнь к имперскому режиму росла и у евреев, которые — единственными из российских этносов и конфессиональных групп — подвергались системной дискриминации, и поэтому подпитывали ряды всех недовольных режимом. Поэтому не случайно в 1891 г. историк Н. П. Батюшков так формулировал программу русской власти: «...Дальнейшая задача русского правительства и общества по отношению к Подолии, как и всему Юго-Западному краю России, должна состоять в том, чтобы, с одной стороны, поднять благосостояние и образование местного русского населения и защитить его от эксплуатации пришлых чуждых элементов, а, с другой — и самые эти элементы, по возможности, сделать менее вредными для простого народа и смягчить племенную и вероисповедную исключительность подчинением общим началам русской жизни, по возможности, без всяких изъятий так, чтобы еврей и поляк не считал себя только евреем, подчиненным своему кагалу, и поляком, мечтающим о восстановлении бывшей Польши и слушающимся одного только папы, а евреем русским, поляком русским, верноподданным русского государя» [21, с. 264].

Рассадниками сепаратизма выступили и те самые христиане, которые были опорой империи в Кавказском крае. В письме Александру III от 20 июня 1886 г. Победоносцев отмечал: «Повторяется и здесь [*на Кавказе — А. Ш.*] горький опыт, который приходится России выносить со всеми спасенными и облагодетельствованными инородческими национальностями. Выходит, что грузины едва не молились на нас, когда грозила еще опасность от персов. Когда гроза стала проходить еще при Ермолове, уже появились признаки отчуждения. Потом, когда явился Шамиль, все опять притихло. Прошла и эта опасность, — грузины снова стали безумствовать, по мере того, как мы с ними благодушествовали, баловали их и приучили к щедрым милостям на счет казны и казенных имуществ. Эта система ухаживания за инородцами и довела до нынешнего состояния. Всякая попытка привести их к порядку возбуждает нелепые страсти и претензии» [18, с. 455].

В XX век Россия вступила с растущими национальными проблемами, которые угрожали имперскому будущему. Одним из немногих благоприятных исходов было превращение Империи в гражданскую нацию, или нацию-государство, интегрирующую тех инородцев, которые не были еще подверже-

ны массовому национализму и сепаратизму (с гарантиями их языковых, культурных и религиозных прав), и исключением тех, кто был в Империи явно «инородным» телом (финляндцы, поляки). Однако этого не поняли ни власть, ни те либералы, которые мечтали о некоей «русской нации» [См.: 22]. Власть продолжала опираться на «державный народ» — «русских», наиболее лояльная часть которого — великороссы — к тому же составляли в это время в Империи меньшинство, всего около 43,4% на 1897 г. [23, с. 25].

Во многом именно националистическая политика, выразившаяся в административной русификации и принудительной аккультурации инородцев, сама явилась мощным фактором, не только не препятствующим росту национализма и сепаратизма окраинцев, но, наоборот, форсировавшим их (национализма и сепаратизма) утверждение как *массовых* феноменов. Это обстоятельство уже в начале XX в. было очевидно для наиболее дальновидных политиков, как и тот факт, что развитие «смуты» (т. е. революции) только усиливает распад империи. С. Ю. Витте писал: «... Если бы в России не было смуты, не явилась бы горячка освободительного движения, раскаленного позорнейшей войной, то окраины не подняли бы так головы и не начали бы предъявлять вместе с справедливыми и нахальные требования. Окраины воспользовались ослаблением России, вызванным войной и революцией, чтобы показать зубы. Они начали мстить за все многолетние действительные притеснения и меры совершенно правильные, но с которыми не мирилось национальное чувство завоеванных инородцев».

Однако исходную причину «скрытого пожара» Витте видел в национально-государственном курсе имперской власти. «Вся ошибка нашей многодесятилетней политики — это то, что мы до сих пор еще не сознали, что со времени Петра Великого и Екатерины Великой нет России, а есть Российская империя. Когда около 35% населения — инородцы, а русские разделяются на великороссов, малороссов и белоруссов, то невозможно в XIX и XX вв. вести политику, игнорируя этот исторический капитальной важности факт, игнорируя национальные свойства других национальностей, вошедших в Российскую империю, — их религию, их языки проч.

Девиз такой империи не может быть: “Обращу всех в истинно русских”. Этот идеал не может создать общего идеала всех подданных русского императора, не может сплотить все население, создать одну политическую душу. Может быть, для нас, русских, было бы лучше, чтобы была Россия и мы были только русские, а не сыны общей для всех подданных царя Российской империи. В таком случае откажитесь от окраин, которые не могут и не примирятся с таким государственным идеалом. Но ведь этого наши цари не желали, и государь ныне далек от этой мысли. Нам мало поляков, финляндцев, немцев, латышей, грузин, армян, татар и пр. и пр., мы пожелали еще присоединить территорию с монголами, китайцами, корейцами. Из-за этого и произошла [русско-японская] война, потрясшая Российскую империю; и когда мы опять придем в равновесие, и придем ли вообще? Во всяком случае еще произойдут большие потрясения. А при теперешней политике, когда по крайней мере скрытые идеалы царя — это идеалы полупомешанной ничтожной партии “истинно русских людей”, — можно, не будучи пророком, предвидеть и чують еще большие беды... Господи, помилуй...» [24, с. 586].

Эти предсказания российского реформатора оправдались. Они во многом совпадают с выводами современного историка Б. Н. Миронова: «... Более двухсот этносов, объединенных в рамках империи, не смогли перевариться в этническом котле и превратиться в национальное государство, то есть в системную политическую единицу. Единое российское национальное государство и единая российская нация не сложились к 1917 году по причине краткости времени, из-за больших различий в культуре и уровне социально-экономического развития различных этносов, а также вследствие политических ошибок и недостатка административных ресурсов у правительства. Ситуация осложнилась тем, что попытка интеграции империи в национальное государство совпала с ростом революционного и национального движения и даже подхлестнула их развитие, поскольку интеграция ассоциировалась с угнетением, преследованиями национальных меньшинств, нарушением традиционных прав и привилегий. В результате политика централизации, унификации и интеграции вызвала взрыв этнических страстей, протеста, рост оппозиции, для подавления которых у правительства не хватало административных и финансовых ресурсов. Как известно, социальная интеграция формируется на основе согласия большинства людей следовать единой системе ценностей. Разгоревшийся пожар революционного и национально-освободительного движения не только этому не способствовал, но даже разорвал ту тонкую ткань механической солидарности, которая соединяла империю. Конфликт обострился с появлением в 1905 году легальной возможности организовывать политические группы, в том числе по национальному признаку. Итак, с одной стороны, не возникло согласия членов российского общества в отношении общих ценностей, с другой — обострились конфликты и противоречия. Так создались объективные предпосылки для распада империи. Неудачи российской армии во время Первой мировой войны, политический кризис и революции позволили этим предпосылкам реализоваться» [17, с. 15].

Литература:

1. Каспэ С. И. Советская империя как виртуальная реальность // Россия и современный мир. 2000. № 1.
2. Алексеев В. В., Алексеева Е. В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5.
3. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / Пер. с нем. М., 2000.
4. Рапорт штабс-капитана, князя Шаховского барону Розену от 24 ноября 1834 года // За стеной Кавказа. М., 1989.
5. Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссиею. Т. 1. Тифлис, 1866.
6. Лермонтов М. Ю. Избранные произведения. Л., 1979.
7. Кинятина Н. С. Административная политика царизма, на Кавказе и в Средней Азии в XIX в. // Вопросы истории. 1983. № 4.
8. Россия. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1898.
9. Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е гг. XIX в.). М., 1965.
10. Бородкин М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1907.
11. Каспэ С. И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001.

12. Под стягом России. Сборник архивных документов. М., 1992.
13. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). 3-е изд. М., 2003. Т. 1.
14. *Кнаббе Г. С.* Империя изживает себя, когда окраины догоняют центр [Закат империй. Семинар.] // Восток. 1991. № 4.
15. *Ситникова О. В.* При выравнивании провинций и центра неэквивалентный обмен невозможен, части превращаются в соперников, империя распадается [Закат империй. Семинар.] // Восток. 1991. № 4.
16. *Миронов Б.* Кому на Руси жилось хорошо // Родина. 2003. № 7.
17. *Победоносцев К. П.* Великая ложь нашего времени. М., 1993.
18. *Миллер А.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении. СПб., 2000.
19. *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм / Пер. с англ. М., 2002.
20. *Батюшков П. Н.* Подолия: Историческое описание. СПб., 1891.
21. *Щербина А. В.* Имперское сознание и либеральное движение в России в начале XX века // Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 25–26 мая 2000 г.). М., 2001.
22. Народы России. Энциклопедия. М., 1994.
23. *Витте С. Ю.* Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. М., 1991.